

Я человек старой формации, и у меня геологи ассоциируются с бородатыми мужиками с рюкзаком за плечами, с палатками и со словами из песни Александры Пахмутовой: «Я уехала в знойные степи, ты ушёл на разведку в тайгу».

— Это действительно так?

Моя собеседница Наталья Викторовна Красильникова снисходительно смеётся:

— Отчасти да, соответствует действительности. Что касается моей персоны, возиться с техникой нравится больше, чем в доме наводить порядок. Правда, готовить тоже люблю. Иркутский политехнический институт, геологоразведочный факультет выбрала не случайно. У меня тётя геофизик, ну а я пошла на поиск и разведку. Поисковики идут первыми, геофизики после нас, а мне хотелось в первых рядах быть. Училась хорошо, являлась старостой группы.

По окончании третьего курса учебную практику Наталья проходила на Сахалине. Работала на шлиховом опробовании. Что в этих шлихах — покажет только лаборатория. Может, медь всплывёт, гранат, алмазы или какие редкие металлы.

Наталья Викторовна Красильникова

Здесь она впервые испытала жуть от близкого присутствия медведей — там их много водилось.

— Был случай, отправились в дальний маршрут на несколько дней. Идём вдоль реки, а на косе огромный след от медвежьей лапы, который ещё не заплы водой. Чувствую, как волосы дыбом поднимаются.

Дипломная работа Натальи посвящалась железорудному месторождению, расположенному в Усть-Илимском районе.

Она хотела попасть в Мамско-Чуйский район. Однако молодого специалиста ждал Узбекистан. Тогда это было строго: раз государство на тебя потратилось, учило, будь добр, отработай по направлению три года. Получила направление под Самарканд, в некогда знаменитую партию:

— Было такое золотое месторождение недалеко от Учкудука, что в переводе «три колодца». Наш главный геолог за его открытие получил Государственную премию. Я, когда начала работать, в первой задокументированной проходческой канаве в кварцевой жиле заметила коренное золото. Конечно, когда увидела, обалдела. Бурили скважины, пробивали штреки, штольни, шурфы — везде собирали образцы на наличие золота.

А сколько неприятных неожиданностей доставляли представители местной фауны! Весна, кругом буйно цветут тюльпаны, маки, красота неимоверная, идёт Наталья, любитесь. Только шаг вперёд, а там — кобра.

— Неприятное впечатление. Однажды на меня чуть каракурт не упал в проходческой канаве, захожу, поднимаю голову — о ужас!

Ей, коренной сибирячке, в Узбекистане тяжело работалось. Невыносимо жарко, иссушающий зной, нередко падала в обмороки.

Оттрубив, как и положено, три года, молодой специалист благополучно покинула богатые золоторудные месторождения. Лёгких дорог никогда не искала, знала, какую мудрёную выбрала профессию, но всегда хотела работать только в Сибири.

Запомнилась Нижнеудинская экспедиция. В начале апреля, когда ещё лежал в горах снег, геологоразведочная партия, в состав которой входила и Наталья Викторовна, улетела в Саяны. Для них заранее приготовили базу, жилые рубленые домики с железной печкой. Была своя дизельная станция. Вертолёты им постоянно подвозили топливо. Железо здесь искали — и нашли! Построили карты, набрали образцов для анализа в лабораторию. На камеральных работах (они проводятся в закрытых помещениях) рисовали разрезы, оконтурили месторождение, сделали подсчёт запасов — всё, на этом они своё дело завершают, далее железорудным месторождением занимаются добывающие организации, в составе которых тоже есть геологи.

— Какая здесь красота! Какой кедрач! А какая рыбалка! Так что все трудности — побоку. У нас был один геофизик, он сделал антенну к маленькому транзисторному телевизору «Юность», и мы, возвращаясь с маршрутов, смотрели Олимпиаду-80 в Москве.

Вспоминает, что однажды втроём шли по тропе, смотрят — мишка сидит. Шуганули его — убежал, сытый был. Потом мужики на него засаду устроили.

Полгода тогда они просидели в Саянах. Хотели попасть домой на ноябрьские праздники, однако погода разгулялась, раскуражилась, вертолёты не летают. Чуть ли не каждый день снег хлопьями, мокрый, уже по пояс навалило. Из продуктов осталась каша рисовая и гречневая с тушёнкой, чай-кофе закончились, перешли на «подножный корм»: собирали смородину, рябину и заливали кипятком. Мужики-рабочие бражку на киселе и компоте поставили, им делать-то нечего. Как только погода успокоилась, на «вертушке» их вывезли.

Работа геологов — это не только горы, маршруты, песни под гитару и долгие разговоры у костра — внешнее романтическое впечатление о профессии, её глянцева сторона. Это, прежде всего, работа с долгими выездами на природу с абсолютной безлюдностью, иногда за триста-четырееста километров от населённого пункта, с отсутствием комфортных условий для отдыха, физически трудная. Наталья Викторовна вспоминает:

— Случались большие переходы, и тогда весь скарб — карабин, палатку, продукты, полевую сумку, а нередко и пробы, — тащили на себе. Часто передвигались по рекам на машинах ГАЗ-66, если глубоко — искали брод. Иной раз в день наматывали по двадцать километров — туда и обратно, чтобы взять пробы. Иногда только подход к месту маршрута километров пять занимал, а затем ещё вверх по ручью. Вечером за беседами у костра — литрами чай, а утром, с рассвета, — в новый маршрут. Откуда только силы брались? Молодость...

С молотком, в болотных сапогах, в накомарниках за пятнадцать лет работы в геологии Наталья Красильникова исходила сотни километров: Южно-Сахалинск, Хабаровск, Усть-Илимск, Узбекистан, Саяны, Ухта в Республике Коми.

Когда представилась возможность, с радостью поехала в Мамско-Чуйский район, о котором давно мечтала. Работа круглогодичная. Устроилась в геологоразведочную партию, искали новые жилы со слюдой. Во многих местах радиация (в керне из

буровых скважин) зашкаливала. Стратегических запасов слюды ещё много, хватило бы не на одно десятилетие, но грянула перестройка, и северные благоустроенные посёлки стали закрывать.

Здесь замуж вышла. Александр Красильников тоже имеет самое непосредственное отношение к геологии. Электромеханик, обслуживал штольни под землёй. Целый год Наталью обхаживал. Она старше его, а он только из армии вернулся. Всё твердила: «Ищи себе ровесницу». Настырный оказался, цветочки ей за пазухой возил из Иркутска. Уже тридцать восемь лет вместе, двое сыновей, три внучки.

Наталья Викторовна какое-то время успела там поработать заместителем председателя поссовета. В девяностые перестроечные годы стране было не до геологии, менялся политический климат, предприятия резко закрывались, люди стали разъезжаться, посёлок тихо вымирал.

Супруги полевой и подземный стаж, дающий право на досрочную пенсию, выработали, а тут ещё случилась трагедия с братом, и в 1995-м они перебираются в Тайшет.

Долго без работы Наталья Викторовна не сидела, вскоре её пригласили в соцзащиту, где открывался новый ветеранский отдел. Уже в зрелом возрасте окончила юридический техникум. И сразу поступила на курсы водителей.

Она из тех пенсионеров, которые постоянно в движении. Много лет в центральной городской библиотеке ведёт занятия по суставной гимнастике для пожилых людей. В своё время Наталья Викторовна серьёзно болела, перенесла тяжёлую операцию — сказала непростая работа в полевых условиях. С помощью книг и компьютера подобрала специальные упражнения, сама себя восстановила. Решила: раз помогла себе, значит, может другим.

Там же, в городской библиотеке, ведёт кружок вязания для людей разного возраста.

С седьмого класса увлекается фотографией. Когда узнала, что на базе Тайшетского комплексного центра социального обслуживания населения создали проект «Академия успешного долголетия», записалась в программу «Важный пиксель», теперь хочет научиться снимать и монтировать фильмы.

— Вы работали в мужских коллективах. Наверняка приобрели немалый житейский опыт?

— Дрова научилась колоть. Вырезать по дереву. Разжигать быстро костёр. Суп черепаший пробовала, а вот жареную змею не смогла, как ни уговаривали меня в Узбекистане. На

Сахалине ели ложками красную икру и ловили речную форель, очень вкусные рыбные котлеты из свежевывловленной горбуши, котлеты из медвежатины тоже приходилось кушать. А вот водочкой не увлекаюсь. Хотя припоминаю случай: однажды мы зимой должны были сделать перевозку буровой с одной точки на другую, мороз под сорок пять градусов, машина сломалась, снегу выше крыши, костёр развести нет возможности. Мужчины открыли бутылку водки, а она тянется, как кисель. Разлили, выпили, я категорически отказываюсь. Сижу, зуб на зуб не попадает. «Нет, Наталья, так не пойдёт, ты сейчас околеешь, а нам потом перед начальством отвечать». Плеснули мне, я её туда, она — обратно, еле протолкнула несколько глотков.

Конечно, за последние десятилетия методы работы геологов сильно изменились. Сегодня современная геология поставила себе на службу разнообразные методы разведки полезных ископаемых. Сейчас можно делать открытия с помощью компьютера. И с помощью флоры тоже. Объясняет популярно:

— Скажем, нашли в изобилии определённый вид растений, а они, допустим, произрастают на медных территориях. Полевой сезон начался, поехали, проверили, зафиксировали. Проще стало работать. А с другой стороны, дорабатываются последние наши открытия, нет нормального финансирования.

— Что испытываете, листая семейный альбом? Здесь вы на фотографии после маршрута — в брюках, штормовке. А вот эту подписали лаконично: «Геолог обходит владенья свои».

— Светлые и нежные чувства. С фотографий смотрит молодость моя. Жалею, что так рано ушла из профессии. Как весна наступает, душа рвётся в «поле».

Об авторе:

Красноярские читатели хорошо знают **Валентину Сергеевну КАЙНОВУ**. Она много лет работала журналистом в Дивногорске и Красноярске. Последние два десятилетия живёт в городе Тайшете. Её публикации в городской и областных газетах отмечены премиями Иркутской областной журналистской организации.